

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
РЫЦАРЬ. СТЕПЬ
РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ
РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

РУБИКОН
РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ
ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА
ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ
ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

КОЛОНИЯ
КОЛОНИЯ. КЛЮЧ
КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

НЕСГИБАЕМЫЙ
НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН
НЕСГИБАЕМЫЙ. НЕ БУДИ ЛИХО...

ШАМАН. ПОХИЩЕННЫЕ
ШАМАН. КЛЮЧИ ОТ ДОМА
ШАМАН. В ШАГЕ ОТ ДОМА

ПАНДОРА. КАРАНТИН
ПАНДОРА. ОДИССЕЯ
ПАНДОРА. МЕССИЯ

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ
ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ
ВЕПРЬ. ФЕНИКС

ПЕС. СТРАЖ
ПЕС. БОЕЦ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ
БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ
БУЛЬДОГ. ХВАТКА

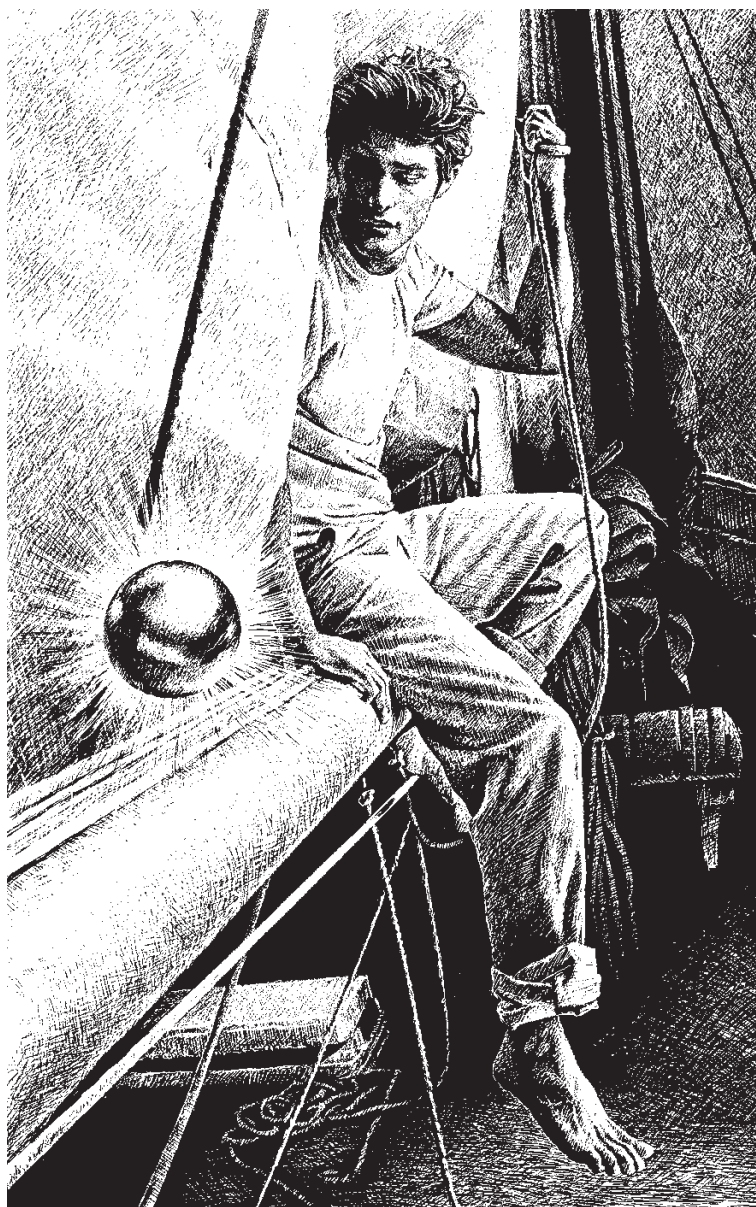
ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ
ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ
ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ
РЕЙДЕР. БЕГЛЕЦ
РЕЙДЕР. ЗАЩИТНИК

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ
ФАВОРИТ. СОТНИК
ФАВОРИТ. БОЯРИН
ФАВОРИТ. ПОЛКОВОДЕЦ

БРОНЕХОДЧИКИ. ГРЕНАДА МОЯ
БРОНЕХОДЧИКИ. ГРЕМЯ ОГНЕМ...
БРОНЕХОДЧИКИ. СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ...

СКИТАЛЕЦ
СКИТАЛЕЦ. НЕУГОМОННЫЙ
СКИТАЛЕЦ. ДВОРЯНИН

ПИЛИГРИМ. КЕНТАРХ
ПИЛИГРИМ. ВОЕВОДА

Глава 1

КАК ТЕСЕН МИР

Рука замерла. Поднесенная к холсту кисть так и не коснулась его. Снаружи доносился тревожный перелив надрывающейся рынды. И это не учебная тревога, которая проводится в строго назначенное время согласно распорядку дня. У них интересный экипаж, весь день поделен на учебные часы, чередующиеся с вахтами и свободным временем.

Расписание настолько плотное, что на внезапные тренировки попросту нет времени. Такие конечно же случались, но только в воскресный день, когда мозги отдыхали после напряженной недели учебы. Тяжко служить на «Газели», не без того. Но народ не роптал. Изначально знали, что легко не будет.

Борис обтер кисть и отложил ее в сторону. Посмотрел на Ершова, своего учителя изобразительного искусства, который также стоял у мольберта. С сожалением развел руками и сдернул через голову грубую и просторную парусиновую рубаху. Повесил ее на крючок, надел пиджак, нахлобучил на голову фуражку и вышел на палубу.

В лицо тут же ударил свежий ветерок, а яркий солнечный свет заставил зажмуриться. В мастерской окна плотно зашторены, и освещается она только ацетиленовыми светильниками с зеркальными отражателями. Постоянное освещение позволяет более плодотворно трудиться над картинами. А то ведь солнечные лучи падают под разным углом, который меняется не только с движением светила, но и с каждым маневром судна. Опять же ограничивать развитие основного навыка только световым днем глупо.

Кстати, эти фонари освещают даже лучше, чем здешние электрические лампы, которые пока находятся в зачаточном состоянии и получили распространение только на современ-

ных кораблях, да и то не повсеместно. Дорогое удовольствие, особенно с учетом того, что перегорают они часто.

Проморгавшись, Борис расправил плечи и вздохнул полной грудью. Прижался к стене, так что поручень, протянувшийся вдоль всей надстройки, впился в поясницу. Места на шхуне немного, ширина прохода составляет всего-то восемьдесят сантиметров. Мимо бодрой рысцей пронесся матрос. Слишком бодрой, если учесть его семидесятилетний возраст.

Но этим тут никого не удивить. Был бы доступ к «Аптечке». Возраст она не убавит, но от болячек избавляет на раз. Конечно, если организм не изношен вконец. Это как смазка в двигателе. Чем больше работает на одном и том же масле, тем выше износ. Как только начинаешь своевременно менять расходники, из машины удаляется грязь, являющаяся эдаким абразивом, и процесс изнашивания резко замедляется, пусть и не сходит на нет.

Пропустив еще одного матроса, Борис наконец двинулся к ходовой рубке на корме, слегка приподнятой над основной надстройкой, что занимала большую часть палубы. В ней находится художественная мастерская, откусившая четверть от общей площади. В остальной части — учебные классы, отделенные легкими перегородками. Там же располагаются кают-компания, библиотека, место для проведения досуга, бытовка. Тесно. Потому площадь используется с максимальной отдачей.

Миновал проход между ютом и палубной надстройкой, это всего-то пара метров. Поднялся по короткому трапу на ют. Ходовая рубка значительно уже основной надстройки, и связано это как с конфигурацией чуть сужающейся кормы, так и с необходимостью простора для производства измерений. Здесь не только ходят, но и работают.

За ходовой рубкой также просторно. Тут возвышается труба дымохода. Негде ее больше было установить — прежней конструкцией была не предусмотрена: шхуна специализировалась на пассажирских перевозках и обходилась только парусами. Приобретя ее, Борис предложил установить парочку машин от грузовых автомобилей с их же котлами, по одной на винт. Компактно. Только мощности их хватало по большому счету лишь на маневрирование или на то, чтобы не оказаться пленниками штиля. Скорость под парами — всего-то шесть узлов.

— Что за шум, а драки нет? — ввалившись в рубку, поинтересовался Измайлов.

— Типун тебе на язык! Нам только драться и осталось, — недовольно бросил Рыченков, который уже был на боевом посту.

— Что не так-то?

— Да вон чего. Не видишь, что ли? — буркнул шкипер, ука-зывая в окно.

До этого момента Борис ничего не видел. Двери из художественной мастерской ведут на оба борта, но он вышел к правому. Парусник же приближался с левого. Причем заметно, что в его котлах уже развели пары. Уголь, конечно, хороший, но так, чтобы совсем уж без дыма, не получается даже у нефтяного отопления. И такой быстрый ход — знак нехороший. Уж кому это знать, как не Борису.

Без разрешения взял мощный бинокль и поднес его к глазам. Нет, ну что ты будешь делать! Это судно что, преследует его? Кому скажи, так ведь не поверят. И вообще, Измайлов с ним разминулся черт знает где, за тысячи миль отсюда. Названия, конечно, не прочесть, но он не мог ошибиться. К ним приближалась «Роза», только флаг над ней развевался Соединенных Архипелагов Америки.

Итальянцы попытались-таки провести десантную операцию на остров, где обнаружили угольные копи, но получили серьезный отпор. К тому же близ острова развернулось самое настоящее сражение между колониальными флотами.

Каперы предусмотрительно в эту свару не лезли. Нет, если бы в намерения командования входил захват какого богатого острова, то эти стервятники не отказались бы от грабежа. Но в копиях не было никаких особых богатств, кроме антрацита, а потому каперы предпочли заниматься привычным ремеслом.

После поражения итальянцы затребовали мира. Россия выступила посредником. Пытались влезть и англичане, но в этот раз обошлось без них. В общем и целом, восстановился довоенный статус-кво, и стороны остались при своих интересах, если не считать понесенных в ходе боевых действий потерь. Но... Тут уж как водится. Без этого войны не обходятся.

Разумеется, были плюсы от действий каперов, в некоторой степени компенсировавшие потери казны. Нашлись и такие дельцы, что приподнялись на операциях с призами. Но хватало и пострадавших от действий официальных пиратов.

Единственные, кто остался в значительном барыше, — это всевозможные страховые компании, взвинтившие взносы до

заоблачных вершин. Владельцы судов предпочитали платить, дабы не остаться у разбитого корыта.

Но тот, кто живет грабежом, остановиться не может. Вот и капитан Томас Бэнтли потянулся туда, где кипит варево войны. Мало, видать, награбил или просто не способен усидеть на одном месте. Борис не настолько хорошо его знал, чтобы дать точную характеристику. Но не удивится, если это и впрямь так, хотя бы потому, что сам не способен сидеть на попе ровно. Эти два с половиной месяца для Бориса стали настоящим испытанием.

Итак, старый знакомый. Только непонятно, какого рожна он делает в водах моря Альборана, разделяющего Европейские и Африканские архипелаги. Понятно, что началась война между Соединенными Архипелагами Америки и Испанским королевством. Но Борис не без оснований полагал, что боевые действия проходят в колониальных владениях.

Американцам в этом регионе попросту не на что опереться. В его мире они имели повсюду базы, но сомнительно, чтобы таковые были здесь в сопоставимое время. Понятно, что в этих краях активные морские перевозки, только куда каперам сбывать захваченное?

— Опять требует остановиться, — по обыкновению пыхнув трубкой, произнес Рыченков, прочитав световой код.

Следом грохнул пушечный выстрел, а несколькими секундами спустя по курсу «Газели» появился всплеск. Поставили, так сказать, восклицательный знак в конце своего сообщения.

— Дорофей Тарасович, это тот самый Бэнтли, — проинформировал Борис.

— Уверен?

— Я же художник. Каждую линию обводов корпуса и такелажа помню. Придурок. Нет чтобы обходить русский флаг десятой дорогой, так он прется на рожон. А ведь у боярина Яковенкова к нему счет имеется.

— Ну, боярин с палашом наголо гоняться за этим Бэнтли по всем морям не станет, хотя и не упустит случая поквитаться, если повстречает. А что до русского флага... Он, видать, для Бэнтли теперь, как красный плащ для быка. Сигнальщик, ответ на капер. «Русская шхуна «Газель». Следую своим курсом. Прощу не препятствовать. В случае проявления любого акта агрессии открываю огонь на поражение». Ну, чего замер, Боря? Или думаешь, испугается?

— Даже не смешно.

— Вот и дуй к пушке. Стой, якорь тебе в седалище! «Аптека» с собой?

— При мне, — ответил Борис, хлопнув по нагрудному карману пиджака, где находился модификатор.

— Ну, с Богом.

Борис уже подходил к боевому посту на баке, когда грохнул очередной выстрел. Снаряд вновь лег по курсу. Последнее предупреждение от Бэнтли. Следующий бросят уже прицельно. Ну-ну.

Измайлов занял место наводчика у пушки Дубинина, установленной на подвижной платформе, чтобы можно было перекатывать орудие к нужному борту. В походном положении оно намертво закрепляется посередине палубы. Сейчас его переместили к левому борту, должным образом закрепили и изготовили к бою. Командует тут мичман Привалов Ярослав Андреевич, в ведении которого находится орудийный расчет.

Н-да. Мичман. Сто пять лет старичку. В сорок один разменял возрождение, погибнув в морском бою. Придя в себя в открытом море, едва и второй жизни не лишился, пришлось даже от акулы отбиваться. Но бог милостив, Привалова подобрал проходивший рядом торговец.

Таковы реалии этого мира. Сколько лет Привалов ходил по морям, а приподняться так, чтобы получить высшее образование, а с ним — и еще одно возрождение, не сумел. По меркам мира Бориса Ярослав Андреевич имел среднее техническое, а потому вырасти выше мичмана ему не светило, как и командовать судами водоизмещением свыше трехсот тонн.

— Готовы, Ярослав Андреевич? — задал риторический вопрос Борис, приноравливаясь к пушке.

Оно вроде и наводчик, но в то же время и владелец шхуны, а потому вопрос офицер не проигнорировал, хотя тот, по сути, и не требовал ответа.

— Мы всегда готовы, Борис Николаевич.

— Вот и ладно. Граната?

— В стволе, — тут же доложил заряджающий, легонько толкая его в плечо.

Измайлов прикинул дистанцию. Выставил целик и прицел к прицелу. Мысль о том, чтобы уклониться от боя, у него даже не мелькнула. Во-первых, им попросту не уйти. Что под парусами, что под машиной преимущество в ходе у капера неоспори-

мое. А во-вторых, Борис сейчас не стал бы сбегать ни за какие коврижки. Два с половиной месяца, наполненные заботами и учебой, при полном отсутствии выброса скопившегося адреналина... Даже в шторм ни разу не попали!

С борта «Розы» грохнули сразу два выстрела. На этот раз всплески возникли недалеко от борта корабля. Хорошо хоть скорость снаряда сравнительно невелика и траектория крутая. Прилети по настильной, и снаряды имели бы шанс достать под водой. А так — только булькнули. Хм. А ничего так наводчики на «Розе» поднаторели. Не ожидал Борис от них таких результатов.

Б-банг!

— Снаряд!

— В стволе! — И привычный легкий толчок в плечо.

Б-банг!

— Снаряд!

— В стволе!

В этот момент на палубе капера вспухло облачко от первого попадания. Борис только удовлетворенно улыбнулся. Его дар по-прежнему продолжал работать с неумолимостью накачивающего катка. Наверняка Бэнтли уже понял, с кем связался. Сомнительно, чтобы ему доводилось еще где-нибудь наблюдать подобную скорострельность, сочетаемую с точностью, кроме палубы своего же корабля.

Б-банг!

— Снаряд!

— В стволе!

Капер ответил двумя орудиями. Но, в отличие от снарядов с «Газели», они вновь угодили в воду. Вот только несмотря на уже две гранаты, разорвавшиеся на борту догоняющего, — опять обнаружались в опасной близости от русского судна. По сути, капер взял их под покрытие. Серьезные ребята обосновались на борту англичанина, что тут сказать.

Бэнтли, поняв, с кем именно ему довелось сойтись, начал отворачивать. Только это не автомобиль и даже не танк на поле боя. Любому судну для выполнения маневра нужны время и определенный простор. Все маневры выполняются плавно. И уж тем более, если корабль идет под парусами. Достаточно это примечать и вносить соответствующие поправки.

Борис наметанным взглядом отметил изменение положения «Розы». Сразу же определил, в какую сторону совершается

маневр. Привычно внес соответствующие поправки в прицел, основываясь не на знаниях, а на собственной интуиции, которая никогда его не подводила.

Б-банг!

— Снаряд!

— В стволе!

Что за?.. Борис даже приподнялся над панорамой прицела, не веря своим глазам. Пока он удивлялся, второй снаряд привычно рванул на палубе. Но предыдущий-то упал с недолетом! У него что, вдруг резко проявилась косорукость? Или это результат излишней самоуверенности? Ну не мог Борис на такой дистанции промазать! Ладно бы еще было волнение на море. Да и то не из пушки Дубинина.

На этот раз англичанин ответил из одного орудия и теперь уж изрядно промазал. Борис потрянул головой, прогоняя наваждение, и вновь приник к прицелу. Последующие три снаряда привычно рванули на палубе и надстройках яхты. Один проделал изрядную дыру в катере, добравшись одновременно и до танка с печным топливом и воспламенив его. А потом вновь случился промах, на смену которому опять пришли попадания.

Едва экипаж «Розы» справился с возгоранием, как на носу опять начался пожар. Борис продолжал засыпать гранатами уже убегающего противника, который вяло огрызался из одной пушки. Несмотря на густо и часто рвущиеся снаряды, Борис сомневался, чтобы для второй не нашлось обслуги. Скорее всего, орудие выведено из строя.

Наконец яхта убрала паруса и повернулась к противнику под таким углом, что Бэнтли получилось задействовать как пушку правого борта, так и перенесенные на ют две с левого. Залп из трех орудий вновь взял «Газель» под накрытие, и на этот раз капер добился одного попадания. Вслед за разрывом слышался сдавленный вскрик, и тут же позвали медика.

Борис внес необходимые поправки в прицел и вновь открыл огонь, с неумолимостью метронома вколачивая в противника один снаряд за другим. Ошибочка. Опять промах. Это он сегодня в ударе! От злости он успел выпустить еще с десятков снарядов, каждый из которых достиг цели.

— Борька, хорош палить, йакорь тебе в седалище! У нас, поди, артиллерийский погреб не бездонный! — вызверился Рыченков, вооружившись рупором.

Оно, конечно, Измайлов — владелец шхуны, и к нему все с уважением и по имени-отчеству. Но Дорофей Тарасович стоял особняком и хозяина «Газели» ни в грош не ставил. Впрочем, на авторитете Бориса это сказаться не могло. Ну, потому что шкипер вообще себе на уме. Надо будет — так не постесняется и подзатыльник отвесить. Причем поймет это даже Привалов, который годами постарше Тарасыча будет.

Морской бой завершен:

парусно-винтовая яхта «Роза» отступила.

Получено 4065 опыта к умению «Наводчик-3» — 0/256 000.

Невозможно начислить опыт, необходима «Наука-3».

Получено 4065 опыта — 0/64 000.

Невозможно начислить опыт, необходима «Наука-3».

Получено 4065 избыточного опыта — 10 150.

Получено 203 свободного опыта — 4052.

А вот и победный лог! Нормально так подвалило. Несмотря на то что Борис являлся владельцем шхуны, по Сути он продолжал держаться наособицу. Для всей этой мути с командным опытом у него имеется шкипер. Морской ценз Измайлову пока без надобности. Зато полученный опыт не размазался по всей команде, а собрался у него одного. Так куда удобней перевести его в свободный, потом на носитель, а затем — перераспределить между членами команды.

Именно такая судьба и постигла опыт Бориса, накопленный непосильным трудом и с риском для жизни. Он весь и без остатка вложился в набранную команду. Всем им, за исключением преподавательского состава, требовались серьезные влияния в Интеллект, так что запасы Измайлова очень быстро растаяли. А ведь Рыченков старался подбирать людей с максимально завышенными показателями!

— Отличная работа, Борис Николаевич, — бодрим тоном похвалил молодежавый старик Привалов.

Вот как хотите, так и понимайте. Впрочем, как уже говорилось, таковых тут половина команды.

— Спасибо, Ярослав Андреевич. Только, признаться, хватить не за что. Я допустил целых три промаха.

— Бросьте. Вы показали просто запредельный процент попаданий, да еще при такой скорострельности.

— Не в моем случае, уж поверьте. Тут есть над чем подумать.

Глава 2

УСТАРЕВШАЯ НОВОСТЬ

— Юрий Дмитриевич, как тут у вас? — окликнул Борис судового фельдшера, отойдя от орудия.

Этот тоже находка Рыченкова. Но для разнообразия молодой, всего-то двадцать пять лет. Хотя опыт фельдшер имел изрядный: прошел эфиопскую кампанию и крови повидал немало.

Артефактов и модификаторов на всех не напасешься, и в этом мире с ними вполне уживается традиционная медицина. Правда, развивается она не так бурно, как хотелось бы. Сложные случаи все больше уходят в область Эфира, а это не лучшим образом отображается на развитии медицины в целом. К чему изучать серьезные болезни, когда достаточно использовать артефакт или модификатор, для чего совсем не обязательно иметь какое-либо образование. Любой человек может приобрести прибор и пользоваться на здоровье. Разумеется, если хватит на это средств.

— Все в порядке, Борис Николаевич. Сысоеву прилетело, но хорошо, что успел. Уже в строю, — ответил фельдшер, кивая на очередного молодежало выглядящего мужчину.

Ага. Олег Анатольевич. Семьдесят лет, кадр шкипера, некогда служил унтером на кораблях вольных капитанов. Но, как и многие, задумался о будущем слишком поздно, уже не имея за душой ни средств, ни опыта, чтобы своевременно справляться с болячками. Унтеров на такой небольшой экипаж не требуется, вот и служит матросом. Правда, ничуть не тяготится этим.

Сысоев виновато развел руками: мол, извини, начальник, так уж получилось. Ну и кинул виноватый взгляд на пострадавших товарищей, кривящихся от оказываемой медицинской помощи. Двоих посекло осколками. Не серьезно, чтобы тратить драгоценные заряды артефакта, но болезненно.

Всего на «Газели» две «Аптечки» — артефакт у фельдшера и модификатор Бориса. Последние делать в три раза быстрее, но Проскурин от этого отмахнулся, как от глупости. К чему замораживать несколькими одноразовыми образцами, если можно получить артефакт с четырьмя зарядами.

За прошедшие два с половиной месяца профессор сумел создать только один механизм. Сказывался недостаток времени в связи с непрекращающимся учебным процессом. Но, если не

случится чего-то непредвиденного, то вскоре они получают своего штатного артефактора.

Травкин Григорий имел высшее образование как раз подходящего профиля. С помощью своего запаса свободного опыта он поднял до нужной планки все необходимые умения. Это позволило значительно ускорить процесс обучения. Плюс бонусы от Проскурина, повышение и без того высокого уровня Интеллекта, неподдельное желание и увлеченность самого парня. Как результат, Григорий сейчас прогрессировал едва ли не со скоростью Бориса, на которого работал его дар. По заверениям профессора, он уже скоро сможет изготовить свой первый модификатор.

Убедившись, что с людьми все в порядке, Измайлов направился в ходовую рубку. По пути ему пришлось вновь уступить дорогу, на этот раз — матросам с материалами и инструментом, направлявшимся исправлять повреждения от одного-единственного попадания. Ну вот никакого уважения к владельцу судна. Шутка. Не стоит мешаться под ногами у выполняющих свои обязанности подчиненных. С него не убудет.

— Ну что, отвел душеньку? Или, по твоим потребностям, это несерьезно? — пыхнув дорогим табаком, с понимающей ухмылкой встретил его шкипер.

— Честно?

— Желательно.

Борис неопределенно пожал плечами. Никакого особого волнения он не испытал. Измайлов с самого начала был уверен в себе и в том, что отправит англичанина если не на дно, то во свояси. Добейся канониры «Розы» больше одного попадания, и тогда реальная опасность разогнала бы кровь по жилам. А так... Никакого отличия от учебных стрельб. Ничего нового. Ну, было бы на море хотя бы волнение, чтобы внести сложности в прицеливание...

Н-да. Вообще-то он и в таких тепличных условиях умудрился допустить промахи. И хоть убей, в толк не возьмет, как такое могло случиться. Ладно еще старые пушки с их невысокой точностью, разгулявшаяся волна, большая дистанция и соответствующий эллипс разброса снарядов. В конце концов, маленькая, быстроходная и верткая цель вроде катера. Но ничего этого не было.

— Понятно. Не развернулась душа. Плохо, Боря, это очень плохо, потому как от непоседливости случаются большие беды.

Уж поверь старику, — ткнув мундштуком Борису в грудь, убежденно произнес шкипер.

— Верю. И, как видишь, держу себя в руках.

— Угу. Целых два с половиной месяца.

— Ну, с чего-то начинать нужно.

— Согласен.

— Дорофей Тарасович, ты мне лучше объясни, какого черта тут потерял Бэнтли под американским флагом?

— А какого черта потерял на войне капер? Зарабатывает на хлеб насущный.

— И куда он доставляет призы? Неужели нейтральные порты готовы принять захваченные корабли? Мне казалось, что эдак и до дипломатического скандала может дойти, а то и до чего похуже.

— Есть два варианта каперства вдали от портов государства, выдавшего патент. Первый — судно попросту топят. В этом случае по предоставлении доказательств каперам выплачивается премия в зависимости от водоизмещения. В частности, в России такой способ считается более честным. Но в плане финансов выгода мизерна. Отними расходы на экипировку и снаряжение, вычти жалованье команды — и на выходе получишь одни слезы. Второй — базироваться на вольном острове.

— Мне казалось, что вольные острова имеются только вдали от цивилизованных стран. Тут, конечно, до Африканских архипелагов рукой подать, но и Европейские — вот они.

— Н-да. Молодо-зелено.

— Может, объяснишь?

— До ближайшего такого острова не больше полусотни миль. Есть такой клочок суши, Альборан.

— Это по названию моря, что ли?

— Лет полтора назад один лихой пират получил баронский титул и обосновался на этом острове, воспользовавшись небольшой уютной гаванью. Европейские архипелаги всегда были бурлящим котлом. А еще здесь хватает торговых путей. Так что для каперов всегда найдется дело. Ну, бритты подсутились, облагодетельствовали бывшего пирата титулом. И обосновался барон Альборан на клочке суши эдаким независимым правителем карликового государства, придерживающегося нейтралитета. Союзный договор с английской королевой, готовой обеспечить свободу и независимость острова всеми орудиями британского флота.

— А в ответ часть доходов уходит в королевскую казну, — не спрашивая, а утверждая, произнес Борис.

— Официально — нет. Никаких доказательств тому не имеется. Но ходят пересуды, что барону перепадает хорошо если пятая часть от всей прибыли. Если подумать, тоже немало. Но все же первая скрипка у англичан.

— На острове крутятся такие большие деньги? — удивился Измайлов.

— Так это же настоящий пиратский вертеп! Сам посуди, там одновременно могут находиться каперы противоборствующих сторон и мирно попивать пиво, произнеся здравицы друг за дружку. Причем ташат добычу неизменно на Альборан, а не в порт нанимателя. Потому как если по-другому, то и от дома могут отказать.

— И что, все призы проходят через этот остров?

— Не все. А только тех, кто сделал каперство своим ремеслом.

— Понятно. Не понятно только, отчего военным кораблям воюющей страны не подойти к острову и не начать патрулировать за пределами трехмильной зоны.

— Потому что бритты этого не позволят. В гавани Альборана базируется серьезный отряд боевых кораблей, оберегающий неприкосновенность и независимость маленького, но гордого государства. Чтобы, не дай боже, кто не обидел. Так что ближе чем в тридцати милях от острова никого заирать не позволят. А связываться с Англией себе дороже выйдет.

— Вот оно, значит, как, — задумчиво произнес Борис.

— Ты чего удумал? — сделав очередную затяжку и выпустив облако дыма, поинтересовался Рыченков.

— Ничего.

— Ты это тете рассказывай.

— Ну вот что я могу удумать, если, несмотря на то что владельцем шхуны являюсь я, командуешь ею ты?

— Так-то оно так. Только доверия у меня к тебе ни на грош.

— Да ладно тебе, Дорофей Тарасович. Можно подумать, у самого не свербит.

— Зудит, — не стал лукавить шкипер. — Но я себя в руках держу. Научился за прошедшие годы.

— Вот и я научусь, — искренне заверил Борис.

Только вышло это как-то поспешно. Настолько, что Борис начал прислушиваться к себе. Насколько он сам-то поверил в

им же сказанное? Получалось, что как-то не очень. Что-то вроде обещания, лишь бы отвязались. Опять неугомонная половина начинает ворочаться. Ну-ну, поглядим, кто кого пересилит.

Покинув ходовую рубку, Борис осмотрелся на палубе. Тут ему делать нечего. Время занятий по живописи еще не завершилось, поэтому направился напрямиком в мастерскую. Повода для того, чтобы отложить кисть, никакого. Даже адреналина толком не хапнул.

— Продолжим? — встретил его вопросом Ершов.

А ничего так. Молоток. Уже стоит у мольберта, хотя по боевому расписанию ему надлежит находиться в блиндированной каюте на нижней палубе. Там укрывались преподаватели и Капитолина Сергеевна, их штатный кок. Но все закончилось, и они вернулись к своим прерванным занятиям.

— Непременно, — заверил Борис, вешая пиджак и надевая парусиновую рубаху.

— Все же не понимаю я вас, молодой человек. К чему хвататься сразу за столько полотен? Ведь если сосредоточиться на одном, то можно достичь куда более значимых успехов. Слышали о таком — нет предела совершенству? Даже одна картина, которую вы будете дорабатывать с учетом появляющихся знаний и совершенствования навыков, способна оказать действительное влияние на формирование вашего таланта.

— Вячеслав Леонидович, вот не начинайте опять.

— Вы совершенно напрасно отмахиваетесь от моего замечания. У вас дар! Вы должны всячески развивать его, вкладывать всю душу. А вы уподобляетесь обычному ремесленнику.

— Одаренному ремесленнику.

— Пусть так. Но живопись — это не ремесло, а призвание. Как вы не можете этого понять.

— Я понимаю. Только не горю желанием провести всю свою жизнь у мольберта. Вот неинтересно мне оно. И давайте на этом закончим.

— Не понимаю, — всплеснул руками Ершов и отвернулся к своему мольберту.

Человек, искренне увлеченный живописью, посвятивший ей всю свою сознательную жизнь. Но при том, что великолепно в ней разбирается и является настоящим экспертом в этой области, сам пишет посредственно. Зато как преподавателя Борис уже успел его оценить и наблюдал у себя явный прогресс.

Конечно, рост не столь стремительный, как на предыдущих ступенях. Но оно и понятно: чем выше поднимается, тем больше возрастают требования. Борис даже не брался представить, насколько замедлился бы его прогресс, продолжай он обучение по самоучителю. Все же грамотно расписанный учебный процесс и наличие проводника с соответствующим теоретическим багажом знаний дорогого стоят.

Масляная картина завершена.

Получено 400 опыта к умению «Масло-2» — 12 400/16 000.

Невозможно начислить опыт, необходим рост «Науки-3».

Получено 20 опыта к умению «Рисунок-2» — 1440/16 000.

Получено 20 опыта к умению «Художественная кисть — 2» — 1500/16 000.

Получено 20 опыта к умению «Перспектива-2» — 1480/16 000.

Получено 20 опыта к умению «Композиция-2» — 1520/16 000.

Получено 400 опыта к таланту «Художник-2» — 6000/16 000.

Невозможно начислить опыт, необходим рост «Науки-3».

Получено 400 опыта — 0/64 000.

Невозможно начислить опыт, необходима «Наука-3».

Получено 400 избыточного опыта — 10 550.

Получено 400 свободного опыта — 4452.

Ну вот. Снова-здорово. Только пошло дело, и на тебе. Опять уперся в потолок. Теория не поспевает за его темпами. Может, и впрямь послушать Ершова, притормозить и сосредоточиться на детальной и тщательной проработке картин? Ведь ясно же, что ускорить процесс не получится, хоть на пупе извернись. То, что было доступно на предыдущих ступенях, тут не срабатывает.

Ну, может, и так. Только, кроме развития дара и роста «Науки», у Бориса есть еще и обязательства перед пошедшими за ним людьми. А кроме общего развития, для этого нужны еще и деньги. К сожалению, предприятие по производству запатентованных новинок еще только-только набирает обороты. Так что большие барыши с этой стороны пока не светят.

Сейчас Измайлов заканчивает уже вторую партию картин. Так что у него на руках получается по три десятка масла и акварели. Мастерство его подросло, и, по оценкам Вячеслава Леонидовича, работы смело можно выставлять по три сотни за первые и по сотне за вторые. Правда, подобный вариант наставни-

ку претит. Он считает, что Борис бездарно прожигает свой талант и должен изменить подход, сосредоточившись на создании шедевров, что, несомненно, ему по плечу.

Возможно и так. Но за вычетом накладных расходов Борис, скорее всего, заработает на картинах не меньше десяти тысяч рублей. Это решит многие финансовые трудности. Все же дорогое это удовольствие — содержание шхуны, если она сама не зарабатывает, а является всего лишь местом обитания и средством передвижения. Но вязываться в пассажироперевозки как-то не хочется. Грузы? Даже не смешно. Если только что-то не очень объемное и дорогое. На яхте все предназначено под пассажиров.

Покончив с уроком живописи, Борис переместился в кабинет профессора Проскурина. Вообще-то самая натуральная конура в смысле площади. При входе слева — большой рабочий стол и стул, который всякий раз упирается в стену, когда профессору нужно подняться. Напротив — иллюминатор. Перед столом — стул, на котором и пристраивается ученик. Справа и вдоль стены напротив входа — угловой книжный шкаф, плотно заставленный книгами.

У шкафа в дальнем углу пристроился кульман. Его установили на полозья, чтобы можно было смещать в сторону, иначе он загораживает половину полок. Этот чертежный инструмент был детищем Бориса и, как многие его «изобретения», появился волей случая.

Он увидел, как профессор проводил занятия с Травкиным, тоже занимающимся по отдельной программе. Так вот, в его обучении большую роль играет черчение. Но то, как профессор и ученик это делали, было неудобно. Обычная доска, на которой зажимами укрепляется лист большого формата, линейки, треугольники и иже с ними.

Подумав немного и поморщив лоб, Измайлов сумел выдавить из себя конструкцию кульмана. В конце концов, в нем нет ничего сложного. По сути, важна только точность изготовления, дипломированные механики в лице профессора и Григория, наличие хорошо оснащенной слесарной мастерской, а также станков высокой точности для изготовления артефактов. Да тут достаточно было просто подать идею. Первый прибор был готов буквально в течение дня.

Система поначалу зависла, но потом раздала всем сестрам по серьгам. Львиную долю опыта и очко надбавок выделила все

же Борису, сочтя Проскурина и Травкина всего лишь квалифицированными помощниками.

— Добрый день, Павел Александрович, — поздоровался Борис, войдя в каюту.

— Здравствуйте, молодой человек.

При стесненных условиях обитания случалось и такое, что они виделись только на занятиях. Профессор нередко ел прямо в кабинете, за рабочим столом, а еду ему приносила Капитолина Сергеевна. Может, поначалу она и пошла на сближение только из выгоды, но сейчас любому было заметно, что Проскурин стал ей дорог. Бог весть, может, ничего и не изменилось, но большинство браков по расчету счастливые.

— Я слышал, палили из пушек и вы отличились, — произнес старик.

Хм. Ну или моложавый старик. Вот и думай, как его назвать. Хотя в плане женщин он очень даже о-го-го, иначе как стариком Борис его все же не назвал бы. Возраст все же не в том, как ты выглядишь, а в том, что у тебя за плечами. У Проскурина багаж был поистине огромный.

— Ну-у-у, не то чтобы отличился, но отвадил одного старого знакомого. А вы что же, не спускались в блиндированную каюту?

— Был занят.

— Напрасно вы так!

— Не переживайте за меня.

— А я не за вас переживаю, а за себя. Вот погибнете вы — и все. Ваше обещание исполнено. Остаток этой жизни вы отдали в качестве долга и теперь вольны как ветер. А кто будет нас уму-разуму учить? Опять искать наставника? И где мы найдем вторую такую голову?

— Не стоит казаться тем, кем вы не являетесь, молодой человек. Вы не такой циник, как показываете.

— Возможно. Но давайте договоримся, что впредь в случае опасности вы все же будете уходить в защищенную каюту.

— Вы же знаете, что она не спасет от гранаты, если у ее взрывателя случится незначительная задержка.

— Знаю. Но это все же редкость. А тонкие борта гранаты с нормальными взрывателями пробивают куда чаще.

— Хорошо, договорились, молодой человек, — добродушно улыбнувшись, заверил профессор. — Так что там со стрельбой? Мне сказали, что вы остались недовольны.

— Я промахнулся три раза.

— Это нормально, учитывая процент попаданий в морских батальях, — пожав плечами, произнес профессор.

— Только не в моем случае. Из художников, и я сейчас не об одаренных, получают хорошие стрелки и наводчики. Развитой глазомер и видение перспективы при известных характеристиках оружия позволяют им добиваться высоких результатов. В моем случае каждый выстрел должен был достигнуть цели. Но я промазал.

— Быть может, британец использовал новинку, появившуюся на рынке с пару месяцев назад.

— Какую новинку?

— Возьмите себе за правило читать газеты, молодой человек.

— Одно время я их читал, но потом они меня разочаровали. Сплошной мусор, сплетни и откровенно глупые выдумки.

— На то вам и даны ум, здравый смысл и логика, чтобы отделять зерна от плевел, — поднимаясь из-за стола и брякнув спинкой стула о стену, произнес Проскурин.

Подошел к кульману, сместил его в другой угол. Открыл дверцу шкафа и извлек одну из газетных подшивок. Помнится, в детстве Бориса делали подобные в школе. С родителей собирали деньги для подписки на несколько газет, а потом назначали кого-нибудь из учеников подшивать периодику. Под это дело даже была выделена отдельная парта, стоявшая в уголке. А каждую неделю имела место политинформация, которую проводил кто-нибудь из одноклассников.

Профессор уложил подшивку на стол и начал перебирать листы. Наконец удовлетворенно кивнул и развернул ее на нужном месте. В глаза Борису тут же бросился крупный заголовок. «Невероятное достижение Николы Теслы!» Пробежался глазами по тексту и поднял взгляд на Проскурина.

— Такое возможно?

— Это Эфир, молодой человек. Он способен едва ли не на все, остается только понять, как этого добиться. Тесла — одаренный механик, которому доступно многое из того, о чем мы можем только мечтать. И первые результаты конкретно в этой области уже есть. Вот. Две недели назад случился бой одного американского винтового фрегата с тремя испанскими. Результат: американец потопил один фрегат и серьезно повредил два других, при этом сам получил всего лишь незначительные по-

вреждения. В статье делается ссылка на новый артефакт «Защитник», уменьшающий процент попадания снарядов. Конечно, как всегда преувеличено, но выводы все же напрашиваются сами собой.

— Допустим. Но отчего тогда американцы не засекретят эти разработки?

— К чему бы им заниматься такой ерундой?

— Ну как же. Это ведь преимущество перед другими державами.

— И какая с этого выгода Тесле? Адмиралтейство Америки не станет выплачивать ему за лицензию большие суммы. Тот же миллион он легко получит за неполный год личной работы. Общество там, конечно, клановое, но структура серьезно отличается от Старого Света. Многие видят в этом истинный светоч демократии и народовластия. На деле же там все куда сложнее и в то же время жестче.

— Ну хорошо. Тогда почему бы не обеспечить артефактами американский флот?

— И сколько там кораблей? У Теслы же налаженное производство артефактов и модификаторов. А эта статья — всего лишь рекламный ход.

— Но как же секретность? — не унимался Борис.

— Даже если знать о существовании такого артефакта, его придется создавать с нуля. Ну вот возьмите гребной винт и парус. Оба они являются двигателями, способствующими перемещению судна по воде, но при этом используют совершенно разные принципы. Точно так же и артефакты. Это механические приборы, основанные на взаимодействии с Эфиром. Но на этом их схожесть заканчивается и начинаются сплошные отличия. Так что без соответствующих чертежей и пояснительной документации эта новость ничего не дает, зато призывает к приобретению этих артефактов. Государства пока смотрят на такие сообщения со скепсисом, а каперы — отличный вариант для проведения полевых испытаний. Не удивлюсь, если некоторым особенно удачливым эти артефакты достались за копейки или вовсе даром.

— Судя по вашему задумчивому виду, вы пытаетесь решить именно эту проблему.

— Н-нет. Не эту. Я тружусь в другой области. Чтобы подступить к этому вопросу, нужно иметь хотя бы намек на направление его решения.

— А можно ли воссоздать прибор, если получить в свои руки образец?

— Нет. Любое вмешательство попросту разрушит механизм, и эту проблему пока еще никому не удалось преодолеть. Но хватит об этом. Наше занятие уже началось, а мы тратим отведенное на него время попусту. Итак, молодой человек, покажите мне ваше домашнее задание, — подытожил профессор, возвращая подшивку газет на полку.

Глава 3 НЕМНОГО ОБ АРТЕФАКТОРАХ

Не сказать, что после беседы с профессором у Бориса не осталось вопросов, но продолжить разговор после занятий не получилось. Обычно они какое-то время еще общались на отвлеченные темы, при этом Проскурин, как опытный педагог, нередко сворачивал русло беседы таким образом, что она переключалась с только что пройденным материалом, и это способствовало еще лучшему усвоению и закреплению урока.

Но в этот раз в дверь каюты постучалась Капитолина Сергеевна, так что разговор быстро скомкался, и профессор засобиравшись на верхнюю палубу, где уже был сервирован столик на двоих. Ну, вот такой у них сейчас период. Не конфетно-букетный, но внимания друг другу уделяют много. И несмотря на то, что случилось это слегка не вовремя, Борис только поразился за этих пожилых людей. Н-да. Ну, о том, что в этом мире возраст — понятие относительное, уже говорилось.

Влекомый вопросами, оставшимися без ответа, и любопытством, Измайлов направился в артефакторную мастерскую. Вообще-то ввиду дефицита свободного пространства на шхуне Борис хотел поначалу расположить эти станки в слесарной, благо пользовались ею не так часто. Тем более что пришлось выделить место и под научную лабораторию.

Но профессор только снисходительно улыбнулся в ответ на подобную глупость. Изготовление артефактов требует особой точности, поэтому ни о каком соседстве с другими мастерскими не может быть и речи. Мало ли кому и за какой надобностью потребуется слесарка? Кроме того, мастерскую устроили ниже ватерлинии над самым килем, залив фундамент, причем не связанный с машинным отделением, дабы избежать вибрации.

А вот качка никак не влияла на работу станков, разумеется, в определенных пределах. Но артефакторика зависит далеко не только от внешних факторов. В немалой степени она завязана на человека. Слишком уж много ручного труда. Поэтому работать во время волнения на море попросту не рекомендовалось.

Даже в спокойную погоду, если в мастерской шла работа, с мостика запрашивали разрешение на поворот и, только получив его, совершали маневр. Для этого в мастерскую была протянута система сигнализации.

Борис заглянул в мастерскую через окошко в двери и остался стоять перед нею. Нельзя отвлекать артефактора. Если хотите, в момент работы он находится едва ли не в трансе, и, чтобы не нарушать это состояние, артефакторная имела полную звукоизоляцию.

Вот и сейчас Григорий сидел с увеличительным окуляром на глазу, скрупулезно и аккуратно обрабатывая деталь алмазным надфилем и тщательно дозируя нажим. Он по несколько раз осматривал изделие даже после одного-единственного прохода тончайшим инструментом. Отложил надфиль и взял другой. Этот и вовсе имеет лишь слой полировальной пасты. Но даже тут чуть не после каждой проходки парень проверяет свою работу.

Это сколько же ему нужно терпения! А ведь Григорий так может просидеть над мелкой безделкой не один час, добиваясь идеального результата. Измайлов прикинул, не стоит ли отложить разговор до того, как Травкин освободится, но в этот момент тот в очередной раз осмотрел получившийся результат. Повертел какую-то шестеренку в руках. Потом склонился над коробкой, в которой располагался механизм. Вооружился маленькой отверткой, едва ли не шилом. Что-то покрутил. Отстранился, глядя на то, как село.

Наконец потянулся и взглянул на стрелку сигнализации, заключенной в звуконепроницаемый короб с окошком: не было ли каких запросов с мостика, пока он возился. И так — после каждой детали. Следующий взгляд — на входную дверь, не маячит ли кто в окошке. Борис помахал ему рукой: мол, тут я.

Ох и намучились, устраивая эту мастерскую. Всего-то три на три метра, а возни столько, что не приведи господи.

— Привет. Не отвлекаю? — поинтересовался Измайлов, когда звуконепроницаемая дверь наконец открылась.

— Проходи. Хоть отвлекусь немного. Эта артефакторика всю душу вынимает. Хорошо хоть профессор научил медитации. Помогает собраться.

— Я заметил. Ты стал более спокойным, рассудительным и пить перестал.

— Вот! Оно мне надо было?

— Брось. Тебе же нравится. По лицу ведь видно, что надо. И вообще, я подозреваю, что ты скоро выдашь свой первый артефакт.

— Скажешь тоже! Тут бы модификатор измыслить, — с довольной улыбкой произнес Травкин, а потом добавил уже мечтательно: — Хотя, конечно, артефакт — это была бы песня.

Он прошел к своему рабочему столу и закурил папиросу, не забыв запустить вытяжку, иначе тут и задохнуться можно. Ничего особенного, принцип ходиков с гирьками, только тут они приводят в действие вентилятор, вытягивающий дым. Вообще курящие среди представителей этой профессии скорее правило, чем исключение. Сам Борис считал, что это отвлекает и противопоказано, но мастера были иного мнения.

— Чего пришел-то? Осточертело стоять у мольберта? — поинтересовался Григорий, выпустив колечко дыма.

— Да так. Слышал о моем конфузе? — присаживаясь на стул у одного из станков размером со швейную машинку, поинтересовался Борис.

— Три промаха? Ну, ты совсем зажрался. Другие радовались бы такой результативности, а ты нос воротить.

— Сам знаешь, что в моем случае это вызывает вопросы.

— Это да. Но тут ты, скорее всего, был бессилён. Должным образом сработал артефакт.

— Угу, мне профессор объяснял.

— И что тебе непонятно после объяснений Павла Александровича? — искренне недоумевая, поинтересовался Григорий.

— После его разъяснений вопросов обычно не остается, но его не вовремя умыкнула Капитолина Сергеевна. А мешать им я не хочу.

— Понятно. Ну, тогда спрашивай, — глянув на настенные часы и что-то там прикинув, разрешил Григорий.

— Ну, вот смотри. Восемь из десяти артефактов и модификаторов, что представлены на рынке, имеют американские корни. Насколько я знаю, на изготовление одного модифика-

тора уходит десять дней. — Борис вопросительно посмотрел на Григория.

— Это минимум. Модификатор может получиться в любой момент даже из уже практически готового артефакта.

— Тем более. То есть много их наваять не получится априори. Но американцы как-то справляются. А ведь артефактор — это человек с высшим образованием, и никак иначе.

— Просто мозги у янки устроены иначе. Сборная солянка со всего света. Предприниматели, авантюристы, нестандартно мыслящие личности. В Америке нет зашоренности Старого Света, вот и к этому вопросу они подошли с деловой стороны. Спрос рождает предложение. Если артефакты выгодно производить, значит, нужно подумать, как это делать с наибольшей эффективностью, и в первую очередь для этого нужны кадры.

— Да, но на обучение одного артефактора уходят годы. Ты — особый случай. У тебя уже есть профильное образование. Тебе оставалось получить соответствующие умения, поднять их на должную ступень, овладеть практическими навыками. Свободный опыт у тебя был. Наставник такой, что другие обзавидуются, с соответствующими преподавательскими надбавками, да еще и от вассалитета прилетает.

— Правильно. Вот именно поэтому дельцы-янки и готовят кадры заблаговременно. Выявляют наиболее перспективных детей из бедноты, подтягивают в свои школы. Причем ничуть не комплексуют, если это вдруг окажется девица. Кстати, американцы утверждают, что из девушек как раз получаются наиболее квалифицированные артефакторы, потому как терпения и усидчивости у них куда больше.

— То есть ведут планомерную работу по подготовке кадров, щедро вливают в них опыт, дают самый минимум для овладения специальностью и сажают за станки, — закончил мысль Борис.

— Именно. На первых порах ребятки, конечно, выдают только модификаторы, и чуть ли не половина уходит в брак. Так что пока не наберутся опыта, буквально перебиваются с хлеба на воду. Но постепенно матереют, и из рук выходит уже нормальная продукция. Ну и дальше градация по квалификации. На сегодняшний день в Соединенных Архипелагах Америки наибольшая концентрация артефакторов. И тенденция роста продолжается.

— Но это же уйма опыта!

— Немало, с учетом количества подготавливаемых специалистов. Но ты не забывай, что они больше двух сотен лет были рабовладельцами. А рабы, помимо рабочей силы, еще и источник избыточного опыта. Сотня рабов — это порядка полутора миллиона очков опыта в год. Неслабо.

— Погоди, но у нас ведь крепостное право тоже было отменено не так давно. Получается...

— Правильно мыслишь, только не учитываешь одну деталь. Я же говорил, что Америка стала прибежищем дельцов и авантюристов всех мастей. Лишь незначительная часть добивается успеха. Остальные прогорают и теряют все. Но даже среди них хватает тех, кто не опускает руки и продолжает карабкаться вверх. Случается, что прогорают и не по разу, а бывает и так, что все это не напрасно. На их примере учатся другие, и процесс этот не прекращается. Наши же привыкли по старинке складывать в кубышку и чахнуть над золотом. Тот же Морозов, что гонялся за тобой. Думаешь, у него в закромах мало опыта? Как бы не так! Полным-полна коробочка. И деньги имеются, причем немалые. Но мозгов, чтобы с умом пустить все это богатство в оборот, нет, а рисковать боязно. Вот если вложиться так, чтобы отдача была с гарантией, пусть и мизерная, тут он готов. А так, чтобы сам, — лучше погодит. Поэтому царю и приходится тормозить бояр, чтобы страна хоть как-то двигалась вперед. Где поощрит, где силком заставит. Он давит на князей, те кричат и давят на своих бояр.

— Незадолго до моего побега князь Тактаков буквально навязал боярину Морозову устаревший броненосец, повелев ему провести его перевооружение, — припомнил Борис.

— Во-от. Яркий тому пример. Только и царь-батюшка недалеко ушел от этого. Вокруг него такие же замшелые помощники, и возраст тут ни при чем. Главное — отношение к делу. Их вполне устраивает складывать все в кубышку. К слову сказать, запасы опыта и золота в Российском царстве сегодня едва ли не самые крупные среди мировых держав. Их бы с умом пустить в оборот, на подготовку кадров и модернизацию производства, но не получится. Н-да.

— Никогда не поверю, что у нас нет дельцов, которые, видя такую прибыль, просто хлопают глазками. Да многие из них ради подготовки кадров содержат за свой счет не только ремесленные, но и реальные училища, а это полный кошт для учителей и вся учебная база.

— Правильно. Только ты не учитываешь одну маленькую деталь. Для того чтобы наладить производство конкретно модификаторов и артефактов, нужно потомственное дворянство. Подготовка подобных специалистов дорого обходится не только в плане опыта, но и в финансовом, ибо обучаемого нужно брать на полное обеспечение. Обидно будет потерять такой кадр после стольких вложений. Вассалитет же дает гарантию, что он никуда не денется.

Присяга, законы — это, конечно, замечательно. Но лучше любых договоренностей держала вассальная клятва, закрепленная по Сути. Клятвопреступник начинал терять по пятьсот очков опыта в сутки. Весьма серьезный убыток с учетом того, что способных зарабатывать его, как Борис, крайне мало. Сначала таял свободный опыт, потом избыточный, далее списывался уже с умений. Причем наиболее важных для конкретного человека. Ступени общего развития оставались неизменными, но в остальном шел регресс. К примеру, мастер с пятой ступенью постепенно превращался в неумеху, гонящего чуть не сплошной брак.

Избежать этого можно только двумя способами. Первый — освобождение от вассальной присяги по Сути, второй — гибель сюзерена. Но в последнем случае клятвопреступник продолжал терять очки еще в течение года. Если же он был повинен в смерти сюзерена, то штраф увеличивался в десять раз сроком все на тот же год. Словом, нарушать клятву не рекомендовалось.

Но сюзереном мог стать либо потомственный дворянин по рождению, либо человек, получивший титул по именному царскому указу, сиречь по Сути. На личных это уже не распространялось. Не тот уровень. Такие дела.

К слову сказать, все члены команды их «Газели» являлись вассалами Проскурина, единственного потомственного дворянина в их среде. Тот сам предложил Борису такой расклад, чтобы обезопасить серьезные вложения. Когда же придет срок и Измайлов сам обзаведется потомственным дворянством, Павел Александрович просто передаст вассалов, что было вполне возможно, если оговаривалось предварительно.

Правда, тот же Григорий сразу определил потолок вассалитета в десять лет. Учитывая минимальные вложения в его подготовку, Борис счел такие условия вполне приемлемыми, хотя Рыченков и не одобрил этого. Но Измайлов полагал, что выгоды перевешивают, а потому не стал слушать ворчание шкипера.

— Погоди, что-то не вяжется. Ты говоришь, что в Америке из грязи в князи может подняться любой. Но как же тогда быть с потомственным дворянством? Ведь его нужно выслужить. Про наших купцов я уже говорил. Так чем они отличаются от американских дельцов?

— Тем, что американцы могут себе просто купить титул. Разумеется, при наличии необходимого минимума, то есть шестой ступени общего роста. Личное дворянство стоит сто тысяч долларов. Потомственное — двести. Все официально. Это у них прописано в конституции. Раз в месяц президент организует прием претендентов и проводит посвящение. Но плюсом к оплате ты должен иметь американское гражданство и принять вассалитет перед конгрессом САА.

— Лихо у них. А у нас, что же, так и не чешутся? — удивился Борис.

— Отчего же. Зачесались. Узрели, как это можно организовать, и поняли, что дело беспроектное, так и взялись. Слышал о появлении институтов?

— Ну?

— Вот их и затачивают под эти задачи. Только времени потеряно слишком много. А пока мы раздумываем, другие расширяют производство и захватывают рынки сбыта.

— А раньше? Насколько же нужно быть некомпетентным, чтобы не понять этого.

— Россия и некомпетентность — это синонимы. Ты поди сковырни чиновника или царедворца, устроившегося на теплом местечке. Вот именно они и полагали, что затея эта американская — глупость несусветная, в чем убедили и царя. И то, что другие страны кинулись перенимать опыт американцев, ни о чем не говорит. Ведь на выходе получаются не инженеры, а узкопрофильные специалисты. По сути, высококлассные рабочие с высшим образованием, которых кроме как к изготовлению артефактов больше никуда и не приставишь. То ли дело — наши выпускники университетов, с широким кругозором и обширными знаниями. Да, их меньше. Но каковы! У князей советники не лучше. Не у всех, конечно, есть те, кто шагает в ногу со временем. Но развивать технологическое производство мало, нужны еще и научные изыскания.

— Неужели земля русская оскудела талантами? — не согласился Борис.

— Не оскудела. А толку-то. Ты поди еще доберись до того, кто тебя услышит и заинтересуется твоей идеей. А ведь ее еще

нужно и до ума довести. И как это сделать без соответствующей базы? То-то и оно. Артефакты же вот так, на коленке не создашь. Мало того, что нужно соответствующее образование и умения, так еще и станки требуются. А хороший артефактор во все не равен новатору и изобретателю. Наши чиновники полагают, что новое должны привносить доктора и профессора, те, в свою очередь, зачастую не принимают молодых выскочек. За границей ситуация иная. Там образованных людей больше и, как следствие, больше шансов для таланта прорваться. И потом конкуренция. Наши действуют по принципу: чего нет, купим. Иностранцы же постоянно ищут рынки сбыта.

— Но система образования претерпела серьезные изменения.

— Правильно. Только мы плетемся в хвосте, и изменения эти недостаточны. Гимназии по-прежнему закрыты для неблагородного сословия. Как результат, дефицит кадров сохраняется, и производство артефактов остается на уровне ремесленных мастерских.

— То есть Российское царство так и будет закупать артефакты за границей? Даже те, которые производит само, но в малых количествах, — хмыкнул Борис.

— Именно, — подтвердил Григорий. — Ладно, покурил, пора и честь знать. Артефакт не артефакт, но то, что получится модификатор, надежда присутствует.

— Удачи тебе.

Она понадобится Травкину. Все же первое изделие. Есть такая примета: если первый блин не комом, то выйдет славный мастер. Причем если в мире Бориса это было не более чем суеверием, то здесь имело под собой основу. Есть одаренные, а есть отмеченные Эфиром. Это не дар, но они получают существенные бонусы к определенной специальности, а как следствие — и к умениям, завязанным на ней.

Глава 4 ВЕРНИСАЖ

Изначально Борис собирался направиться в Мадрид. Как-никак столица, королевский двор и весь свет Испании. Где еще можно пристроить картины с наибольшей выгодой? Но по здравом размышлении решено было отказаться от этого

в пользу Гранады. Это, конечно, всего лишь столица графства, но со своеобразной историей.

До того как оказаться под рукой испанского короля, это был независимый архипелаг, лишь номинально находившийся под властью арабов. Когда испанцы изгнали из региона мусульман, правитель Гранады присягнул на верность испанскому королю, который и не подумал ему доверять. На столичном острове выросла крепость, где обосновался королевский гарнизон, присматривавший за лояльностью новоявленного графа Гранада.

Так продолжалось на протяжении двух веков. Постепенно лояльность владельца архипелага перестала вызывать сомнения и надобность в королевских войсках отпала. Разве только чиновничий аппарат. Но такая или подобная система была принята повсеместно, а потому недовольства не вызывала. Однако, несмотря на еще полтора века, минувшие с той поры, оставалась застарелая заноза. Она уже давно не вызывала боли, но создавала легкий дискомфорт. Поэтому гранадцы никогда не упускали возможности подпустить шпильку кастильцам.

Учитывая именно это обстоятельство, а также то, что у некоего художника с псевдонимом РБП уже имеется какое-никакое, а имя, Ершов и посоветовал направиться именно сюда. Ну, коль скоро его подопечный желает идти по пути ремесла. Он же посоветовал при подаче объявления сделать оговорку: мол, встал вопрос выбора между Мадридом и Гранадой, и таинственный одаренный сделал его в пользу последнего. Мелочь, но местным представителям высшего света будет приятно, а Борису лишняя тысяча не помешает. Еще как не помешает!

И да. От инкогнито решили не отказываться. Причем сообщения безопасности тут ни при чем. Наоборот, если бы действовали открыто, это избавило бы от любых неприятностей. При такой охране без драки Бориса взять не получилось бы, а нападать на подданного русского царя — так себе затея. Не бросает тут царь своих подданных.

Нет, если, к примеру, бандиты какие — это одно, да и то без расследования не оставят. Конечно, его качество будет зависеть от социального статуса пострадавшей персоны. Но уж происшествием с одаренным займутся всерьез. Есть такая привычка у русского государя. Если придется, так не постесняется боднуться и с бриттами. Было уже. А нужно, так и повторится.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Как тесен мир	5
<i>Глава 2.</i> Устаревшая новость	13
<i>Глава 3.</i> Немного об артефакторах	23
<i>Глава 4.</i> Вернисаж	30
<i>Глава 5.</i> Приятная неожиданность	38
<i>Глава 6.</i> Нечаянное открытие	47
<i>Глава 7.</i> Прозрение	55
<i>Глава 8.</i> Ничего себе на охоту сходили	64
<i>Глава 9.</i> Набег	72
<i>Глава 10.</i> Новички	83
<i>Глава 11.</i> «Диана»	91
<i>Глава 12.</i> Акваланг	99
<i>Глава 13.</i> Подводная прогулка	107
<i>Глава 14.</i> Луч надежды	116
<i>Глава 15.</i> Диверсия	129
<i>Глава 16.</i> Окончательное примирение	138
<i>Глава 17.</i> Охотник	150
<i>Глава 18.</i> Идущие на смерть	158
<i>Глава 19.</i> Возвращение	167
<i>Глава 20.</i> В преддверии серьезного шага	174
<i>Глава 21.</i> Родович	183
<i>Глава 22.</i> Как хорошо начиналось	193
<i>Глава 23.</i> Окончательное решение	202
<i>Глава 24.</i> Один на один со стихией	213
<i>Глава 25.</i> Вынужденная стоянка	222
<i>Глава 26.</i> Тревожная ночь	230
<i>Глава 27.</i> Бегство	239
<i>Глава 28.</i> Неожиданная встреча	250
<i>Глава 29.</i> Новый компаньон	259
<i>Глава 30.</i> Щедрость	269